
Андрей Крикун
Петр и Павел, Малый ключ Соломона и демоны Гоэтии
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Андрей Крикун

Петр и Павел, Малый ключ Соломона и демоны Гоэтии

https://litres.ru/74724439
SelfPub; 2026

Аннотация

Главный герой Павел получает в наследство старый дом деда в деревне. Ему достаются книги. Большой и Малый ключ Соломона на арамейском языке, без поздних средневековых искажений. Он получает возможность вызывать демонов. В результате случайности в доме соседки появляется полтергейст, мелкий бес. При попытке изгнания демона, он знакомится с отцом Петром, они путешествуют и борются со злом. Им встретятся, Исполнитель желаний. Навка, дух мщения. упырь, русалка и медведь оборотень.

Содержание

Глава Первая . Мелкий бес. 5
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Андрей Крикун
Петр и Павел, Малый ключ Соломона и демоны Гоэтии

Глава Первая . Мелкий бес.

Первым, кому Павлик решил сообщить о своем отчислении из универа, была не тётя и даже не друг Миша , который до сих пор был должен ему три тысячи. Первым был интернет.

Он поставил телефон между сахарницей и банкой растворимого кофе, посмотрел в экран, повернул лицо так, чтобы под глазами легла правильная тень, и нажал запись.

— Иногда система отвергает тех, кто способен мыслить шире предложенных рамок.

Из ванной донеслось:

— Паш. Ты чего в институт не идешь?

Он остановил запись.

Система отвергла его за четыре несданных зачёта, два экзамена и курсовую, которую он собирался написать с помощью нейросети, но так и не выбрал тему. В приказе это торжественно называлось академической задолженностью.

Тётя Зоя вышла из ванной с полотенцем на голове и села напротив.

— Отчислили.

— Ага.

За стеной сверлил сосед. Судя по продолжительности работ, отверстие должно было появится где-нибудь в Австра-

лии.

— Из военкомата звонили.

Павлик потянул к себе сахарницу, хотя кофе уже кончился.

— Схожу.

— Когда?

— Ну… схожу.

— Павел.

Так она называла его, когда разговор был окончен ещё до начала. Возразить было нечего. Тётя Зоя работала старшей медсестрой и по одному движению человека определяла, собирается тот потерять сознание, соврать или попросить денег. Павлик собирался сделать второе и третье, поэтому решил не тянуть.

— Дай ключи от дедовского дома.

— Зачем?

— Поживу. Разберу вещи. Ты сама говорила, пустой стоит.

— Разберёшь?

— Да.

— Или распродашь?

— Если что-то совсем ненужное. Там половина вещей старше меня.

Тётя долго молчала. Во дворе мусоровоз поднял контейнер, и вниз посыпалось, загремело, зазвенело — будто на землю высыпали гигантскую кухню.

— Дед не любил, когда его вещи называли хламом.

— Я и не называл.

Она махнула рукой.

Ключи лежали в верхнем ящике старого комода, в жестяной коробке из-под леденцов. К одной связке была привязана выцветшая синяя лента. Другой ключ — маленький, тяжёлый, с длинной бородкой — тётя подержала отдельно, на нем висела алюминиевая печать на кольце вымазанная пластилином, для опечатывания комнат и сейфов.. Различить буквы было трудно.

— Этот он велел отдать тебе, когда сам приедешь в дом.

— От чего?

— Не сказал.Думаю от дверей.

— И ты не спрашивала?

Тётя просто пожала плечами Уже в прихожей окликнула:

— Паш.

Он обернулся, держа кроссовок за пятку.

— Позвони, как доедешь.

Маршрутка до Липовки ходила по вторникам, четвергам и тогда, когда водителю удавалось завести двигатель. Жаловаться было некому. Однажды областное начальство возмутилось, что людей возят на старых пазиках, потребовало от перевозчиков купить новые автобусы и добилось того, что несколько месяцев людей не возили вовсе. Потом старые автобусы тихо вернулись. Ругать их уже не хотелось.

Павлику повезло. Пазик приехал.

Он сел у окна, прижав рюкзак коленями. Внутри лежали ноутбук, два пауэрбанка, кольцевая лампа, две футболки, бельё, зарядка и банка домашней тушёнки, которую тётя сунула ему в последний момент, как будто в деревне нельзя было купить хлеб.

Город кончился промзоной, пустыми теплицами и полузаброшенными садами, где между чёрными ветками белели забытые пакеты. Потом пошли поля. На остановках висели названия деревень, которых из окна не было видно. Небо висело низко, серое, без дождя. Вдоль дороги трава уже полегла, и от этого казалось, что лето закончилось не по календарю, а просто устало.

Деда Павлик помнил хорошо..

Тёплая ладонь на затылке. Запах табака, хотя при нём дед никогда не курил. Седые усы, жёлтые у самой губы. Всегда выглаженные брюки, чистая рубашка и начищенные ботинки, даже если он шёл к колонке.

Однажды в середине октября они возвращались со школьного двора. Село тогда было больше: ещё работали сад и совхозная контора, которая загнулась в начале двухтысячных. На асфальте лежал шмель — огромный, мохнатый, неподвижный. Павлик наклонился потыкать его веточкой.

Дед перехватил ветку.

— Не надо.

— Он дохлый.

— Мы этого не знаем. Может, заснул.

Дед снял шапку, зажал ее подмышкой, наклонился , подхватил шмеля на сухой лист и рассмотрел. Тот шевельнул лапкой. У старой липы в неглубоком дупле лежала труха. Дед выбрал мокрое, подложил сухой травы и положил шмеля туда.

— Зачем? Он всё равно умрёт.

Дед оглянулся.

— Все когда-нибудь умрут. И я помру. Но жизнь каждого живого существа важна.. Её нельзя забирать просто потому, что рука чешется. Представь, если меня кто то захочет потыкать палочкой перед смертью, или если я упал и не могу идти..

У Павлика тогда защипало в носу, а на глаза навернулись слезы.

— Деда, я не хочу, чтобы ты умирал.

— Это хорошо, что не хочешь. Но пусть твоя доброта, теперь касается всех, кто живет в этом мире.

Теперь шмель вспоминался яснее, чем похороны.

На похоронах было много людей в одинаково неприметных пальто. Один, хромой, лысоватый, с оттопыренными ушами, долго стоял перед открытым гробом и что-то шептал. Священника не было. Родня знала, что дед служил, но сам он отмахивался: ракетные войска, подписка, рассказывать нечего. На пенсии, говорил, консультирует. Кого и зачем — не уточнял.

Дом стоял на краю села. За последними огородами начи-

нался овраг, за оврагом — лес. Когда Павлик толкнул калитку, из соседнего двора поднялась женщина в резиновых сапогах. В одной руке — тяпка, в другой вечнозелёный помидор.

— Павлик? Ты, что ли?

— Я Павел.

— Нина Степановна. Не помнишь? Электричество включи на столбе, там автомат. Воды в доме нет, колонка на перекрёстке, только теперь по карточке, когда терминал сигнал ловит. Если не ловит, иди дальше к сельпо, там всегда работает.

— Спасибо. Я смотрю цифровизация и до вас добралась?

Она кивнула, махнула рукой и вернулась к грядкам.

В доме пахло холодной печью, сухим деревом и шкафами, которые давно не открывали. На кухонном столе стояли тарелка и стакан, когда-то чистые, теперь одинаково серые от пыли. Полотенце над мойкой затвердело. Перекидной календарь на маленьком яшмовом постаменте остановился на ноябре того года, когда умер дед. Рядом лежали две перьевые ручки и стояла литая фигурка человека, которого Павлик не знал. Мысль выставить календарь на продажу пришла и тут же стала противна. Даже переворачивать календарь, теперь казалось Павлу кощунством.

Он прошёл по комнатам, снимая короткое видео.

— Итак, друзья. Унаследовал домик в деревне. Будем восстанавливать, искать антиквариат. Если что приглянется —

пишите.

На экране за его плечом мелькнула тёмная дверь.

Под лестницей, почти вровень со стеной, был узкий чулан. Павлик помнил его запертым.

Ключ с синей лентой открыл входную дверь. К чулану подошёл другой, из большой связки.

Внутри висел китель.

Сначала Павлик увидел погоны и орденские планки. Потом — тяжёлую серую папку на полке. Под потускневшим пластиком удостоверения была фотография деда: лет сорок, строгий взгляд, волевой подбородок, ещё чёрные усы. Как воин с пропагандистского плаката, только взгляд живой и будто видящий насквозь даже с фото.

Комитет государственной безопасности СССР. Полковник Белов Ефим Андреевич.

Павлик сел на перевёрнутый ящик.

— Ничего себе, дед.

Под удостоверением лежали ещё два — на другие фамилии. Фотография была одна.

Потом начались папки.

«О проявлениях массовой истерии в посёлке Красный Бор».

«Обстоятельства исчезновения группы геологов. Приложение номер четыре. Только для служебного пользования».

«Предмет семнадцать-Б. До передачи уполномоченному сотруднику отдела упаковку не вскрывать».

Никакой упаковки к разочарованию Павлика уже не было, а внутри лежал снимок маленького бронзового колокольчика, похожего на ваджру. Павлик не сразу понял, что не так. Человек, державший колокольчик за язычок, отбрасывал четыре тени.

Он закрыл папку.

В углу стояла шашка с клеймом «За веру, царя и отечество», с посеребрённым лезвием и рукоятью, неуместно перемотанной синей изолентой. Над ней висели чётки, связка ключей и старый медный компас со странными символами без стекла. Стрелка медленно поворачивалась, хотя Павлик держал его неподвижно.

Снимать больше не хотелось. Он удалил видео.

На мансарду вела крутая лестница. Дверь наверху была заперта и опечатана пластилином и той самой печатью с ключа. Ключ с печатью вошёл легко, слишком легко для замка, который не открывали годы.

Павлик долго стоял на пороге.

Вдоль стен теснились шкафы. Книги лежали на полу, на стульях, на широком столе под окном. Между ними — распятия, бронзовые чаши, коробки с надписями от руки. На стене висели сабля, два коротких меча и латунный механизм со шкалами и шестерёнками. Павлик не понял, для чего он, но выглядел механизм внушительно.

На узкой полке стояли стеклянные сосуды.

В одном плавал коготь. В другом — четыре длинных клы-

ка. В третьем лежало нечто серое, складчатое. Когда Павлик подошёл ближе, внутри складки открылось маленькое тёмное отверстие.

Он отступил.

Жидкость не шевельнулась.

— Консервация, блин, — сказал он вслух.

От собственного голоса стало страшнее.

Между православной Библией и потёртым томом на арабском лежал учебник электродинамики. На нём записка: «Сравнить с явлением в Костроме. Не путать причину и сопутствующий эффект, нужна консультации технических и религиозных специалистов».

Под столом стоял сейф.

Тяжёлый ключ подошёл и к нему. Внутри лежали три книги, несколько тетрадей и конверт.

«Павлу. Открыть самому».

Сургучная печать изображала переплетённые линии. От неё пахло мёдом и горячей проводкой. Павлик сломал печать. Внутри оказалась открытка с самолетом, которые Павлик любил собирать в детстве и надписью, сделанной дедовым почерком: «Хорошо что зашёл, внучек».

Внизу хлопнула дверь.

Потом на кухне звякнуло.

Павлик прижал конверт к груди.

— Тёть Зоя? Кто там?

Его окатило ледяным воздухом. Он схватил со стола ко-

роткий нож в кожаных ножнах, попятился и ударился спиной о шкаф.

В дверях стоял дед.

В сером домашнем свитере, клетчатой рубашке, старых брюках и тапочках. Такой, каким Павлик помнил его в каникулы. Только полупрозрачный. Сквозь правое плечо просвечивала дверная петля.

— Нож положи, Павлуша. Руку порежешь.

Павлик открыл рот. Воздуха оказалось мало.

— Отдышись.

Через некоторое время он сидел на полу. Дед устроился в кресле напротив, хотя кресло просвечивало сквозь его колени.

— Я умер. С этого и начнём.

— Я знаю. Я был на похоронах, пробормотал павел дрожащим голосом.

— Знаю. Сам просил не отпевать. Чтобы побыть тут десять лет, присмотреть за домом. И за тобой, если решишь заглянуть.

За окном ветер шевелил сухой вьюнок.

— Это галлюцинация?

— Версия разумная. Проверь.

— Как?

— Слева от печи, под третьей доской пола, от стены, металлическая коробка. В ней запасные очки и пятьдесят тысяч рублей. Пенсия за предпоследний месяц, как никак пол-

ковник госбезопасности.

Павлик не двинулся.

— Ты мог бы просто сказать: нет, не галлюцинация.

— Мог бы. Но так ты хотя бы сходишь и посмотришь. В любой стрессовой ситуации нужно не терять спокойствия и действовать. Застыл, - замер, испугался, - пиши пропало!

Голос был прежним. Чуть хриплым, с лёгким присвистом. Не загробным.

— На стену посмотри.

Между шкафами висел потемневший коврик. Павлик отогнул край. На штукатурке был выжжен круг из знаков. Часть линий прочерчена, часть въелась в стену. В центре темнело небольшое пятно.

— Привязка. На десять лет со дня смерти. Три уже прошли.

— Ты всё это время здесь?

— Не так, как ты думаешь. У меня нет чувства времени. Странное ощущение. Иногда слышу дом. Иногда Зою. Теперь тебя.

— А потом?

Дед посмотрел на собственные руки.

— Потом выясню, когда пойду на свет.

Павлик снова сел.

— Как ты это устроил? Ты маг?

— Полковник госбезопасности.

— Это я видел.

— Начальник небольшого отдела.

— Какого?

— По контролю за ненаучными явлениями и борьбе с религиозным мракобесием.

Павлик оглянулся на банки.

Дед кивнул.

— Название неудачное.

— А как назвать отдел по явлениям, которые в стране официально не существуют?

Началось, по словам деда, ещё в войну. Религию объявили пережитком прошлого, а верующие никуда не делись. Сталин назначил Патриарха. Потому что решил, что централизованная церковь удобнее подпольных проповедников, а когда занялись этим вопросом комплексно заметили и другое: целители, лжепророки, люди, слышавшие голоса, и деревни, куда даже сотрудники НКВД ночью ехать не хотели. Вот и занялись этим, сначала НКВД, потом КГБ. Большую часть случаев объясняли голодом, страхом, отклонениями психики, мошенничеством или болезнью. Но не все имело научное объяснение.

Сам он попал в отдел в шестидесятых, из контрразведки. Последнему председателю КГБ, Крючкову, докладывал лично. Между председателями передавался отдельный запечатанный пакет. Что в нём и чем занимался отдел, знал только тот, кому пакет отдавали.

— А после Союза?

— После Союза у пакета оказалось слишком много возможных получателей. И ни одного, кому я мог бы его отдать.

Дед помолчал.

— Может, ошибся. Старики иногда считают свою недоверчивость мудростью..

Павлик впервые услышал, чтобы дед так говорил о себе.

— Посмотри книги.

Толстые тома были обтянуты потрескавшейся чёрной кожей.

— «Большой ключ Соломона». «Малый ключ». И ещё одна, поменьше. Кохеллет. Ты её знаешь как Екклесиаст.

— Ага, — сказал Павлик и кивнул, потому что кивнуть было проще, чем признаться, что кроме названия он ничего об этом не слышал.

Дед, кажется, был к этому готов.

— То, что издано как «Ключи», — поздние списки. Монахи переписывали, сокращали, путали нарочно, чтобы дураки не натворили дел, ну и чтобы сбить с толку чернокнижников. Демонов переименовали в принцев, да маркизов, хотя какие маркизы при царе Соломоне? А эти мы считали исходными. Они на арамейском. Возраст я точно не установлю. А вот что часть написанного работает — проверял сам.

— Ты вызывал демонов?

— Да.

Павлик посмотрел на него иначе. Дед это заметил.

— И сразу об этом. Тут нечем хвастаться и нечего повто-

рять. Мы это делали формально, со всеми церемониями, по долгу службы, с целью проверки достоверности. Потеряли несколько сотрудников. Врагу такого не пожелаешь. Запомни это.

Он положил ладонь на тетради. Пальцы прошли сквозь картон, и дед на секунду замолчал.

— Здесь переводы и мои пометки. Здесь то, чего делать нельзя, даже если в тексте написано, что можно. Пентакли, ножи, жезлы я оставил. Не для опытов. Будешь делать только если я скажу. А лет через пять я скажу что с этим делать,

— А мне это для чего?

Дед отвёл взгляд.

— Сохранить.

— То есть я должен тут сидеть и сторожить книги?

— Нет. Не дай им попасть в чужие руки. Если не придумаем ничего лучше — передай Вассаго. Он любит книги.

— Демону?

— Принцу демонов. Тридцать легионов духов. Ко мне он был доброжелателен и обошлось без подвохов, а для демонов подвох при исполнении просьбы, это обычнее дело. Доброжелательность с дружбой не путай, я там на полях написал. Они демоны и служат сам знаешь кому. Хотя говорят некоторые хотели бы вернуться с Седьмому престолу..

Павлик встал и подошёл к окну. Сквозь редкие серые от времени доски забора, было видно, как Нина Степановна везла тачку с ботвой . Между досок забора протискивалась

рыжая кошка. Из соседской трубы шёл дым. А за спиной покойный дед объяснял, как отдать демону книги.

Родители, — сказал он. — Они пропали. Ты знаешь, из-за чего? Тоже демоны да?

Дед посмотрел на него. Сквозь плечо просвечивала дверная петля, и петля была видна яснее лица.

— Не сегодня.

— Они с тобой работали?

Свет моргнул и погас.

Когда лампа снова загорелась, кресло стояло пустое.

Павлик посидел немного. Потом спустился, включил телевизор на каком то музыкальном канале и уснул не раздеваясь.

Утром он отогнул коврик и счёт досок от печной трубы повёл вслух, чтобы не сбиться.

Третья доска поддалась не сразу. Под ней, в жестяной коробке из-под монпансье, лежали запасные очки, пачка пятитысячных и листок, сложенный вчетверо.

«Привет, Паша, ты делаешь успехи, так держать».

Он сел на пол и засмеялся. Смех вышел короткий. Деньги он пересчитал и убрал обратно, под доску. Очки аккуратно положил на стол.

Тётя позвонила, когда он чистил картошку.

—Ты как там устроился? Все хорошо? Не продавай его вещи.

— Ага. Не буду. Все хорошо, позвоню потом или уже при-

еду. Я туз занят – порядок навожу..

Он сказал это искренне. И, к собственному удивлению, не собирался нарушать слово.

Даша написала вечером.

«Отчислили тебя официально, списки вывесили.».

«Знаю».

«Где ты».

«В деревне. У деда дом».

Она печатала долго, но в итоге пришло короткое сообщение.

«Не пропадай».

Он набрал: «Может приедешь?» — и стёр. Она ещё утром писала, что у неё практика в поликлинике да и мать одну никуда не отпускает, тревожность у нее какая то.

«Не пропаду».

Ответ пришёл сразу: «Давай держись там».

Ролик он записал на четвёртый день.

Подходящий для образа охотника на демонов плащ нашёлся в шкафу — чёрный, синтетический , с запахом нафталина и газетами в карманах. Павлик взъерошил волосы и зачесал назад, зажёг свечу и положил на стол шашку и странный латунный прибор, а потом разложил на столе пентакли. Кольцевая лампа делала лицо гладким и чужим. Выглядел Павел по своему собственному мнению внушительно и брутально.

— Вы думаете, знаете, что находится за границей види-

мого мира?

За границей видимого мира, судя по первому комментарию, находилась сушилка с бельём. Он переснял ролик заново.

Второй ролик он монтировал до ночи: дело о геологах, фамилии вымараны, место названо «один северный посёлок». Получилось интересно и пугающе. К утру набралось восемьдесят тысяч просмотров, а на карту накидали почти десять тысяч донатов. Павел приободрился и в своем воображении уже начал строить планы пригласить куда нибудь Дашу. А может наделать еще роликов и съездить в Дубай, или куда сейчас ездят? Точно он не знал.

Дед появился, когда Павлик примерял ремень с ножнами поверх плаща.

— И кто ты теперь Павлуша? Призрак Командора? Не многовато для одного дома?

— Это лук такой, для видео.

— Лук значит.. Даже шутить не хочется. А это?

Он кивнул на лампу.

— Свет.

— Оригинально..

Павлик не обернулся к зеркалу. В зеркале деда не было, и от этого внутренности делались лёгкими а по спине бежали мурашки, хоть деда он и не боялся.

— Я же никого не вызываю. Рассказываю. Ты когда то учил что все имеет разумное объяснение. Вот я и буду объ-

яснять.

— За деньги.

— А что в них плохого?

— Пока ничего. — Дед помолчал. — Посмотрим, что ты ради них сделаешь. Любимое занятие демонов подкидывать успехи своей жертве, пока ты не станешь их рабом..

Он исчез, просто растворившись в кресле. Павлик постоял, потом записал ещё один ролик. В этом он обещал, что если зритель пришлёт случай, он приедет и разберётся. Голос получился уверенный.

Первой написала женщина, по имени Марина из райцентра. По ночам шорохи и как будто тихий свист. Дочь плачет и не спит.

Квартира была на третьем этаже панельной пятиэтажки, с запахом борща и влажного линолеума. Дочери — шесть лет. Звали Лиза. Игрушечного зайца она прижимала к животу так, словно гость мог его забрать.

--- Как его зовут, спросил Павел у девочки, чтобы разрядить обстановку.

---- Никак, он игрушка, ответила Лиза.

Павел кивнул, добавить было нечего. Детектор электромагнитных полей, заказанный под впечатлением чтения сайтов о сверхъестественных явлениях, пищал у холодильника и молчал в детской.

Павлик простучал стены, заглянул в вентиляцию и вытащил оттуда засохшего голубя. Марина отвернулась. Лиза

смотрела серьезно.

— Он там жил? — спросила она.

— Наверно упал и не смог выбраться.

— Ему было страшно?

— Наверное. Я его похороню на газоне, где цветочки.

---Хорошо.

Он окурил комнату полынью, повесил над дверью маленький деревянный крест и сказал несколько предложений на латыни, которые ничего не значили, но звучали солидно Взял тысячу, вместо пяти, о которых договаривались. На лестнице ему стало немного стыдно, смысл в этих церемониях он не видел.

Даше он написал: «Привет. Как ты? У меня первый заказ. Оказалось, дохлый голубь в вентиляции, разберусь тут со всем, потом решу с военкоматом и учебой и все норм будет».

«Вот и хорошо. Лучше никого не обманывать. И вообще лучше не играть с такими вещами. Вообще говорят курьеры норм зарабатывают».

И следом, уже суше: «Только не воспринимай свое занятие серьезно. Ну или сразу езжай на какой нибудь шоу экстрасенсов»

Он перечитал дважды и ответил только, - Ок.

Нина Степановна окликнула его через забор на пятый день.

— У меня по ночам по стенам кто то ходит. Кошка шипит,

спит со мной под одеялом.

— Мыши?

— Ну вот и посмотри. Внучка мне твои видео показывает. Причешись только, ато как Карлсон.

Дом был тёплый, тесный, заставленный старой мебелью, набитой посудой и книгами. Под телевизором спала рыжая кошка. Часы на стене стояли. Маятник висел криво.

Павлик проверил чердак, печь, пространство под кроватью. Ничего, кроме пыли и банки с гвоздями.

Нина Степановна ходила следом и говорила тихо, как говорят о болезни, которой стесняются.

— Сперва очки пропали. Потом дверцы за спиной хлопать начали. Позавчера кто-то сел на край кровати. Кошка под одеялом была, мы обе видели. Жозефина моя шипела не него. Ну на это, незнай что. Кошки, говорят, чувствуют.

Ей было одиноко. Это Павлик понял раньше, чем испугался. Он выпил чай, похвалил варенье из ирги и сказал:

— Давайте ещё батюшку позовём. Для верности.

Она оживилась сразу.

— Отца Петра? Он хороший. Сердитый только.

Пока она искала номер, Павлик разложил на столе тетрадь. Хотел чего-нибудь короткого и защитного, чтобы старуха видела: человек не зря пришёл.

Какие то слова на латыни и примечание на русском Мелкий бес. Наверное от мелких бесов, решил Паша.

Он успел прочесть четыре строки.

За окном вспыхнуло.

Гром ударил так, что в серванте звякнули рюмки. Над полем, где минуту назад было серое, но сухое небо, встала чёрная полоса. Вторая молния ударила в землю почти без промежутка между светом и звуком. Третья — в столб у оврага. На миг стали видны мокрые лопухи и ржавый прицеп во дворе.

— А дождя вроде не обещали, — сказала Нина Степановна.

В доме стало тихо. Даже холодильник перестал гудеть.

Павлик закрыл тетрадь.

— Пока хватит.

Денег он не взял. До калитки шёл быстро и не оглядывался. В поле дымились три чёрных пятна. Дождя по-прежнему не было.

Телефон зазвонил, когда он ставил чайник.

— Пашенька. Ты подойди пожалуйста срочно.

На заднем плане что-то упало. И кто-то засмеялся — тонко, почти по-детски, заливисто и тонко.

— Только скорее. Батюшка еще идёт, а мне одной никак.

Калитка стояла настежь. В сенях пахло сырым погребом и серой.

Мимо уха просвистела эмалированная кружка и ударилась о косяк.

Нина Степановна была посреди комнаты. Между тапочками и полом оставалась сантиметров десять пустоты. Она

шарила руками, в воздухе, будто бы ища опору. Над столом крутилась сахарница. Кошка сидела на шкафу, с прижатыми к голове ушами и шипела.

— Дверь не закрывай, там батюшка идет— сказала старуха тихим и жалобным голосом и зажмурилась, как ребенок, как будто не хотела видеть страшное и думала что если не смотреть, оно исчезнет.. и в ту же секунду её дёрнуло вверх.

Голова стукнулась о фанерный потолок. Она зажмурилась и закричала уже другим голосом — коротким, старческим, от боли.

Павлик поймал её за голени. На миг показалось, что держит не человека, а верёвку, которую тянут с другой стороны. Половики поехали в разные стороны. Сахарница летала кругами.

— Прекрати!

Из-за печи ответили его собственным голосом, лениво и точно:

— Прекрати, - сказал он сердито.

Сервант отошёл от стены сам. Павлик рванул старуху в сторону — или ему позволили рвануть. Они упали на диван. Туда, где была его спина, в стену вошёл угол серванта, промчавшегося по комнате как товарный поезд. Посуда рассыпалась по полу.

— Книжку забыл, охотник хренов.

Телефон выскользнул из кармана и пополз к печи. Над Павликом медленно повернулся кухонный нож. Остриём

вниз.

— Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя…

Голос шёл от двери, ровный, спокойный и уверенный.

В проёме стоял высокий человек в тёмной брезентовой рабочей куртке поверх подрясника. Борода короткая, с проседью. В одной руке — Псалтирь, в другой — небольшой крест.

Нож упал. Лезвие вошло в половицу между ступнями Павлика.

Священник не повысил голоса. Он читал дальше, ровным голосом, немного на распев, короткими фразами, как человек, который знает текст наизусть. Стол заскрипел. Со стены сорвалась фотография. Под рамкой остался светлый прямоугольник — обои, которых никто не видел лет двадцать.

— Посади её, — сказал он Павлику.

Тот послушался.

— Крещёная?

— Да, — прохрипела Нина Степановна. — Муж нет, а я…

— Молчи сестра..

Он достал из пакета деревянные кресты. Один повесил на гвоздь у окна. Второй — над дверью. Третий протянул Павлику.

— Календарь сними. Молоток на окне.

Из печи сказали:

— Ещё и ремонт сделайте убогие.

Священник не ответил.

Когда третий крест коснулся стены, потолок прогнулся, как плохая резина, и посыпалась краска. Из-под заслонки потянуло серым, похожим на дым от мокрых листьев.

— Не тебе меня гнать.

— Уходи, — сказал священник.

— В живое уйду. Не в бабу. В зверя. Пса заберу. Тогда оставлю ее.

Снаружи взвизгнула собака. Звякнула цепь. Что-то хрустнуло — сухо, как доска.

Пётр повернул голову к окну. Секунду молчал. Потом сказал в печь, не громче, чем говорил до этого:

— Оставь её.

Цепь ударила о крыльцо, так что в воздухе запахло озоном и жженными досками. Из под входной двери вился то ли пар, то ли дым.. Мимо окна пронёсся чёрный пёс. Глаза у него были белые, без зрачков. Будка лежала на боку, посреди двора.

Потом стало тихо.

Холодильник загудел. Нина Степановна вытерла лицо краем кофты.

— Да чтож это такое то твориться то Господи.. Чаю хотите?

Кошка спустилась со шкафа и села ей на колени, как будто ничего не произошло.

На улице уже темнело. Молнии погасли. Пахло озоном и мокрой золой, хотя дождя так и не случилось.

Пётр дошёл до калитки и остановился. Павлик шёл следом, сжимая треснувший телефон.

— Спасибо.

Священник посмотрел на него.

— Что там делал? Говорил? Читал?

Павлик протянул тетрадь. Пётр не взял. Наклонился, посмотрел на открытую страницу и выпрямился.

— Откуда?

— От деда. Он умер. Там наоборот от нечисти молитвы. Он в КГБ работал. Я просто перепутал все.

Пётр перекрестился. Коротко, без слов и упреков, которых Павел ждал.

---Лучше сожги.

Они вышли на дорогу. За огородами чернели пятна выжженной травы.

— Ты братец шарталан и чернокнижник— серьезно сказал отец Пётр.

Павлик опустил голову.

— Видео видел. Не читай все подряд. Это не шутки..

— Я не хотел. Нине Степановне не говорите, что это я. Я сам скажу.

— Скажешь.

----А что изгонять демонов простым людям нельзя? Спросил Павел.

---«При сем Иоанн сказал: Наставник! Видели человека, именем Твоим изгоняющего бесов, и запретили ему, потому

что он не ходит с нами. Иисус сказал ему: не запрещайте, ибо кто не против вас, тот за вас». Продекламировал отец Петр. Так что можно. Но вот делать то чего не понимаешь, больше не надо.

Они прошли ещё несколько шагов. Где-то в лесу, далеко, тявкнула собака — не так, как тявкают на прохожего.

— Собаку жалко, — сказал Павлик.

— Да.

— Вы могли не разрешать?

Пётр не замедлил шага.

— Мог наверное.

Больше он ничего не прибавил. Павлик ждал объяснения и не дождался.

У дедовской калитки священник неожиданно улыбнулся.

— Завтра приходи в храм. К десяти.

— А что делать?

— Придёшь — увидишь.

Он сел в старую «Ниву» и уехал.

Павлик постоял на улице. Написал Даше: «Тут был настоящий полтергейст. Потом пришел священник. Мы его изгнали, представляешь. Он мебель двигал, старушку в воздух поднял».

Она ответила через минуту.

«Собачке, рассказывай, кошечке рассказывай. А мне не надо..)))?»

«Там правда ужас был. Я видео сниму в следующий раз».

«Ага».

Он хотел написать, что соскучился. Стёр. Написал: «Схожу к тому священнику».

Она прислала точку. Потом: «А я вот с подружками в клуб собралась. Может и тебе пора чем то более реальным заниматься».

«Я со всем разберусь, увидишь скоро» написал Павел и увидев в ответ смеющийся смайлик, сунул телефон в карман.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.